

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА ДРАННИКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры языков северных стран и международной научной коммуникации Института филологии и межкультурной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
n.drannikova@narfu.ru

«КАПИТАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ»: К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ПАТРАКЕЕВКИ ПРИМОРСКОГО РАЙОНА АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ*

Цель статьи – раскрыть особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области на основе полевых материалов, полученных за время фольклорно-этнографической экспедиции Северного (Арктического) федерального университета в это село. На самосознание местного сообщества оказало влияние занятие традиционными морскими промыслами. Хорошо сохранившаяся историко-культурная память является составной частью локальной идентичности ее жителей. Наше исследование позволило сделать вывод о том, что этнокультурная традиция деревни Патракеевки представляет собой локальный тип поморской культуры.

Ключевые слова: локальная идентификация, Патракеевка, Белое море, поморы, устный рассказ

Финский исследователь Л. Хонко писал, что для современной науки необходима новая методология изучения культуры [21]. Методологии, которые подходят для изучения устойчивых крестьянских культур, плохо отвечают ситуации постиндустриального общества. Эту методологическую проблему помогает решить изучение культурной идентичности местных сообществ. Впервые на то, что фольклор является одним из важных источников для изучения идентичности, обратил внимание А. Дандес [20].

Цель статьи – исследование особенностей локальной идентичности населения, проживающего в с. Патракеевке Приморского района Архангельской области. Исследование проводилось на основе полевых материалов, полученных в результате фольклорно-этнографической экспедиции Северного (Арктического) федерального университета в 2015 году в это село (ФА САФУ. П. 615). Они представляют собой «полевые» диалоги собирателя и респондента, включающие в себя самоописания традиции. За время экспедиции было опрошено 30 местных жителей в возрасте от 40 до 90 лет, записано 30 аудиочасов.

В статье мы используем термины: традиция, локальная идентичность, культурный ареал, локальная микрогруппа, устный рассказ. Л. Хонко характеризует понятие «традиция» как более широкое, чем культурная идентичность. Идентичность он относит к понятию второго порядка и рассматривает ее как часть коллективной традиции, выделенной из нее, чтобы представлять группу в культурной коммуникации [21]. Локальная идентичность (далее – ЛИ) – идентификация человека с местом своего проживания. Понятие «культурный ареал» используется в науке для обозначения географического района распро-

странения близких артефактов и культурных явлений. Население одной деревни или села мы считаем возможным называть локальной микрогруппой, так как оно представляет собой специфическое культурное пространство с особым самосознанием [5: 30].

К. В. Чистов подчеркивал трудности выделения устного рассказа из обыденной речи [19]. Наряду с речевыми жанрами мы используем фольклористическую жанровую классификацию. В частности, это термин «предание», который мы понимаем как текст, референт которого относится к прошлому.

Идентичность населения, проживающего по побережью Белого моря, лишь недавно стала темой научного исследования. О ЛИ жителей села Койды Мезенского района Архангельской области (Зимний берег Белого моря) писала Н. В. Дранникова [6], [9]; Кандалашского берега – И. А. Разумова [11]. Социологи П. Л. Крупкин и С. Д. Лебедев выделяют следующие структурные элементы коллективной идентичности (далее – КИ): 1) базовые элементы – центральное место, представление о локальной географии; 2) ценности – боги – святыни; 3) ритуалы поддержания идентичности; 4) вклад участников материальный или символический. В своей работе мы опираемся на концепцию КИ, предложенную этими исследователями [13].

Прежде чем перейти к изложению материала, дадим краткую историко-географическую справку населенному пункту, в котором проводилось исследование. Патракеевка находится на Зимнем берегу Белого моря, в 70 километрах от Архангельска и расположена на берегах реки Мудюги. В настоящее время она состоит из 5 деревень: Верховье, Кушкушара, Наволок, Горка,

Патракеевка. В 3 километрах от нее находится д. Кадь, в 25 – д. Куя и Козлы. Нам не удалось найти указания на точную дату появления этого села. Исследователи сходятся во мнении, что Патракеевская волость, ранее именуемая Мудьюжской, сформировалась в XVI веке [14: 146]. Как и другие населенные пункты, расположенные на побережье Белого моря, она имеет промысловый тип хозяйствования и культуры. Мудьюжская волость была одной из самых богатых в Архангельской губернии. Основными занятиями ее жителей являлись морские промыслы, рыболовство, мореплавание и судоходство. Жители Патракеевки регулярно ходили на своих судах для торговли в Норвегию. Несмотря на то что церковно-приходские школы в Архангельской губернии стали появляться лишь в конце XIX века, среди жителей Патракеевки уже в середине XIX века было много грамотных. Ее население было заинтересовано в том, чтобы дети получили образование и в дальнейшем могли служить лопманами, поэтому в 1841 году здесь было открыто шкиперское училище. В 1933 году в Патракеевке был образован рыболовецкий колхоз. В 1990-е годы новая социально-экономическая ситуация в стране сильно понизила его статус.

Общее культурное поле, создающееся внутри местного сообщества в процессе его функционирования, является сильным объединяющим фактором. Уровень самоидентификации патракеевского сообщества и осознания им своего села как непохожего на другие оказался довольно высоким. На самосознание локальной микрогруппы оказало влияние занятие традиционными морскими промыслами. Все жители Патракеевки считают себя поморами. Их ЛИ тесно связана с воспоминаниями о морских промыслах. Point этих рассказов относится к 1950–2000-м годам. В 2007 году промысел был официально запрещен государством. Кроме того, воспоминания включают в себя устные рассказы о дореволюционном прошлом села, например рассказы о том, что раньше во время путины гибло много зверобоев, что льдины с промышленниками уносило в Белое море, и т. п. Жители села хорошо знают о различных подходах/походах рыбы (семги, сига и селедки), которые были приурочены к календарным праздникам. В связи с тем что лов рыбы и зверя не прекращался в советский период, в селе хорошо сохранился промысловый календарь. К календарным праздникам в Патракеевке до 1920-х годов были приурочены плавания торговых судов в Норвегию, которые в Духов день уходили из Архангельска в Норвегию и до Семёнова дня (1/14 сентября) возвращались обратно.

Жители Патракеевки с гордостью называют свое село *капитанской деревней* и утверждают, что только в 1960–1980-е годы в г. Мурманске проживало 40 капитанов – уроженцев этой деревни.

Очень много капитанов вышло отсюда. Копыловы, Бурковы, Копытовы, Стрелковы – очень много капитанов. Сейчас вот – Антупьев. Это самое, как его, Валера Фунников. Все вот это капитаны. Это теперешние, а ранишние – Липин, мой отец – капитан, Стрелковы – из Кади, а потом Антупьевы – с Патракеевки (Т. А. Копытова, 1947 г. р.).

Формулы «очень много капитанов», «вот это капитаны» исполнительница произнесла в течение беседы несколько раз, что усиливает достоверность ее рассказа. В последние десятилетия появилось еще одно перифрастическое наименование Патракеевки – «Патракеевка – родина капитанов и моряков», интертекстуально связанное с книгой Г. Д. Буркова «Патракеевка – село поморское, родина капитанов» [2].

Одной из особенностей ЛИ жителей Патракеевки является их представление о своей культурной близости к жителям г. Архангельска. Местное сообщество относит архангелогородцев к категории «своих»: «*Архангельск, Соломбала и Патракеевка – одно целое*», – говорят они. Соломбала – островная часть г. Архангельска, поздно вошедшая в его состав. Приводя доказательства этому, они отмечают близость местонахождения Патракеевки от Архангельска: «*Ездили на карбас'ах* (карбас – большая лодка с высокими бортами, использующаяся в морском и речном транспорте для рыбного промысла и перевозки грузов. – Н. Д.) *с самоварами из Патракеевки в Соломбалу*». В качестве самоназваний жители Патракеевки и Архангельска используют одно и то же локально-групповое прозвище (далее – ЛГП) – *трескыеды*. Его существование свидетельствует о развитой ЛИ микрогруппы. Происхождение данного ЛГП наши респонденты объясняют тем, что треска – любимая еда местных жителей, роль которой была особенно велика в голодные военные годы. Второй вариант объяснения его происхождения связан с участием местных жителей в мурманском тресковом промысле. Кроме архангелогородцев, к «своим» патракеевцы относят сообщества соседних деревень Лапоминки, Поборки, Лодьмы, Ижмы. Территория этих населенных пунктов, включая г. Архангельск и его островную часть Соломбалу, д. Куя и Козлы, о которых мы писали выше, образует культурный микроареал. Между жителями этих населенных пунктов заключались браки. Территория, на которой они расположены, представляет собой зону распространения определенных локальных культурных типов и черт, связанных с морскими промыслами. Жители Патракеевки хорошо знают ЛГП и присловья данных населенных пунктов.

Одним из факторов, актуализирующих идентичность, является возможность межгруппового сравнения, которое представляет основание для оценивания «своей» и «чужой» группы.

Стереотип «чужого» способствует установлению собственной ЛИ. Жителей поморских деревень Койды и Ручьев, которые находятся в 170 километрах от Патракеевки на территории Мезенского района Архангельской области, к «своим» уже не относят, поэтому прозвищ их не знают.

Жители Патракеевки противопоставляют себя казакам. Они считают, что казакам жилось легче, чем поморам, так как они находились в более комфортных климатических условиях, что они отличаются самолюбием и склонностью к буфонаде. Приоритет поморов над казаками, по утверждению местных жителей, заключается в том, что поморы осваивали Арктику, Сибирь и Аляску. К поморам они причисляют исследователей, путешественников, землепроходцев и завоевателей Сибири, Дальнего Востока и Аляски: уроженца г. Сольвычегодска Вологодской губернии Е. П. Хабарова, Великого Устюга – Семена Дежнева, завоевателя Сибири – Ермака Тимофеевича, уроженца г. Каргополя, основателя русских поселений на Аляске и ее первого губернатора А. А. Баранова. Доказывая свою правоту, один из наших рассказчиков вступил в риторический спор, в котором утверждал, что казаки не способны на подобные трудности и испытания: *«Какие казаки? Казак шел югом, я согласен. А здесь... Морем или поморы! Фамилии то наши»* (С. И. Бурков, 1947 г. р.).

Развитая фольклорно-речевая повествовательная традиция способствует становлению и поддержанию идентичности локальных групп. Хорошо сохранившаяся историко-культурная память является составной частью ЛИ жителей Патракеевки. Она объединяет группу и отличает ее от других. Среди наших записей есть устные рассказы об историческом прошлом деревни (об ее основании, о набегах норвежцев, о мореходах и судовладельцах, существовавших до революции связях с Норвегией, о старообрядцах, о спорах местных жителей с Соловецким монастырем из-за усолий, о посещении Соловецкого монастыря, о Гражданской войне и интервенции, о раскулачивании и др.). На формирование внутриобщинных культурных ценностей оказала влияние не только фольклорная традиция, но краеведческие и «экранные» источники [2], [4], [15].

«Воспоминания» о новгородском происхождении являются неотъемлемой частью ЛИ данного местного сообщества. По популярной версии, первопоселенцами Патракеевки были новгородцы, которые бежали сюда от *московского царя*, по другой версии, были высланы после присоединения Новгорода к Московскому княжеству в конце XV века. В местной традиции продолжает сохраняться деление фамилий на новгородские и московские, а новгородцы противопоставляются москвичам: *«А москвичей все побережье не любит – это сто процентов: и Летний берег,*

и Зимний берег, и мезенцы – никто их не любит, наверное, вся Россия их ненавидит. <...> Так они и не народ. Они же ниче не умеют, ну, буквально, дите малое – сопли распустият придут, гыца. <...> (С. И. Бурков, 1947 г. р.). Предания имеют коммуникативную установку на сообщение достоверной информации, поэтому мотивации и аргументы – обязательные структурные элементы таких текстов, выражающие их объективную модальность. Наши респонденты гордятся своим «новгородским» происхождением. Они наделяют предков-новгородцев такими чертами характера, как предприимчивость и свободолюбие. Эти же автостереотипы они используют по отношению к своей локальной микрогруппе. Они считают себя спокойными, рассудительными, честными, смелыми, трудолюбивыми, имеющими чувство собственного достоинства (*«а мы черносотенные были, только государю подчинялись»*). В их самооценках подчеркивается экстремальность природных условий, в которых они живут, вызывающая постоянное напряжение и необходимость адаптации к ним.

Деревня осознает себя единым целым, произошедшим от трех братьев-первопоселенцев. Жители села хорошо знают их имена – Негодай, Безбородый и Морозко. Они утверждают, что от их имен произошли местные фамилии Негодаевы, Безбородовы и Морозовы. В «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской Епархии» за 1894 год в описании Мудьюжского прихода приводится запись фольклорного предания, сделанная в 1822 году местным священником Авениром Рожиным. Приведем его текст:

«Первыми поселенцами этой местности был, вероятно, чудской народ, впоследствии вытесненный отсюда новгородцами, бежавшими от справедливо заслуженного ими царского гнева Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича III. По устному преданию местных старожилов, занесенному в церковную памятную книгу в 1822 г., из бежавших новгородцев пришли на Мудьюгу реку три родные брата, причем некоторые из чудского народа согласились жить с ними, скрыв свои имена и прозвания. Когда же к ним стали присоединяться и другие пришельцы, то последовала перепись и трем сим братьям были даны прозвания: 1-му и старшему из них, не имеющему бороды, – Безбородый, 2-му по характеру – Морозов, 3-му – Негодаев. Братья сперва всеми почти землями владели совместно, но со времени ревизии пахотная и сенокосная земля разделена была по частям, и эти части стали называться по фамилиям своих владельцев: Безбородовскою, Морозовскою и Негодаевскою, как эти земли называются и доньше.

(Составлено местным священником Авениром Рожиным и отредактировано священником Смирновым)»¹.

По второй версии, которая имеет меньшее распространение, первопоселенцы пришли на р. Мудьюгу из с. Орлецы – средневекового крупного поселения в Заволочье, которое располагается вверх по течению Северной Двины в 125 километрах от Архангельска. Здесь, по преданию, у них произошла стычка с чудью, которая после разгрома будто бы ушла за Урал (С. И. Бурков, 1947 г. р.). В фольклорной традиции совмещаются два пласта знаний: первый об исторической родине первопоселенцев и второй – о последующих тесных контактах двинян и жителей Патракеевки. В народной прозе исторические фигуры Ивана III и Ивана Грозного объединяются в мифологическом образе царя Ивана, который разгромил Новгород и присоединил его к Москве, иногда его называют III, иногда Грозным.

Предание о братьях-первопоселенцах включает в себя мотив о встрече новгородцев с аборигенным населением – чудью. Подобные тексты имеют широкое распространение на Русском Севере. В основном они представлены сюжетом о борьбе новгородцев с чудью (Пинежский, Верхнетоемский, Коношский, Лешуконский, Вилегодский р-ны) [10]. Предания, подобные бытующим в Патракеевке, в которых основными элементами мотива являются ассимиляция или уход (бегство, отступление) чуди из данной местности в иные земли, распространены меньше.

Мотив о братьях-первопоселенцах имеет общероссийское бытование. Как отмечает Н. А. Криничная, на Севере этому способствовало «сохранение рудиментов родовых отношений, заселение территории родственными коллективами – патрионимиями, распад большой патриархальной семьи» [12: 12]. Сюжет о двух братьях, которые строили деревню, перебрасывая топор с одного берега реки на другой, исследовал Ю. И. Смирнов [17]. Несмотря на то что некоторые из вариантов этого сюжета имеют «чудские» мотивы (например, предание о Кончаке), Ю. И. Смирнов, опираясь на корпус текстов, записанных в южных районах России, а также в Болгарии и Литве, убедительно доказал его славянское происхождение [17]. Устный рассказ о братьях-первопоселенцах, перебрасывающих топор друг другу, до сих пор существует в д. Валдеево Коношского района Архангельской области [8: 34].

В местном фольклорно-речевом дискурсе существует топонимическое предание о происхождении названия деревни от имени одного из крупнейших новгородских землевладельцев – купца Патракеева. Во время беседы наши информанты давали купцу оценки, на которые наложился советский идеологический контекст, связанный с отношением к богатству в период социализма: «жадный, хитрый, льстивый такой». По одной из версий, Патракеев оказался на берегу Белого моря во времена правления Марфы-посадницы (информант назвал ее *Софьей-посадни-*

цей), по другой – бежал сюда уже после разгрома Новгорода Иваном Грозным. В переименовании знаменитой Марфы-посадницы чувствуется знание респондентом истории Русского государства. В этом фольклорном образе объединяются две фигуры – Марфы-посадницы и царевны Софьи. Во время правления последней произошел разгром старообрядчества.

В памяти местного населения сохранились рассказы о набегах скандинавов на население, проживающее по побережью Белого моря: «*Первые эти деревни были основаны Кадь и Верховье, потому что подальше от моря, боялись, наверно, всё-таки норвежцев этих самых, как тогда называли, норманны. Но мы-то, у нас-то, не норманны, а мурманы называли*» (С. И. Бурков, 1947 г. р.). Мурманами в «Лаврентьевской летописи» названы норвежцы². Г. Г. Фруменков писал: «Со второй половины XVI века начинаются систематические вторжения в Поморье иноземцев» [18: 18]. В названии жителей Скандинавии *норманнами* сказывается начитанность С. И. Буркова. Норманны – термин, использовавшийся жителями Западной Европы по отношению к скандинавам, опустошавшим с VIII по XI век морскими разбойничьими набегами государства Европы.

В устной традиции местного сообщества сохранились предания о старообрядцах. Нам встретились рассказы об их самосожжениях, организатором которых выступал уроженец соседней деревни Козлы Васька Козел. Рассказы включают в себя «формулы достоверности» – это указание на время, когда происходили самосожжения, и ссылки на предков: «*Это в конце семнадцатого, может, даже начала восемнадцатого века, точных дат нету, но, по воспоминаниям людским, этого Козла все помнят – недаром козлами обзывают плохих людей*» (С. И. Бурков, 1947 г. р.). Достоверность событий рассказчик подтверждает, обращаясь к другим историческим фактам, в частности, он упоминает о существовании уже в то время города Архангельска, датой основания которого официально считается 1584 год: «*Тогда Архангельск был, так это стопроцентно семнадцатый век*». Для подтверждения истинности своего рассказа он ссылается на «людские воспоминания». В оценке прозвища Васьки проявляется отношение исполнителя к лидеру патракеевских старообрядцев, связанное с переоценкой роли старообрядчества в сознании местных жителей и с непониманием ими смысла самосожжений. Наименование «козел» в современной речевой практике имеет пейоративное значение, так называют подлых, неприятных людей. В данном рассказе Васька Козел выступает инициатором самосожжений, которых самому ему каждый раз удастся избежать. В народной традиции козел считается нечистым животным, имеющим демоническую природу [1].

Устные рассказы о Соловках были распространены по всему Поморью [3]. Местные жители помнят о контактах, которые существовали между Соловецким монастырем и жителями поморских деревень [7]. Монахи часто «отнимали» солеварни у местного населения, что приводило к конфликтам. Сохранилось предание о ссоре между жителями Патракеевки и Соловецким монастырем из-за права владения солевым промыслом в д. Куе. К когнитивному контексту рассказа о ссоре с Соловецким монастырем относится пословица, включенная рассказчиком в его текст: *«Нагрешил много – так Соловкам отдал»*. Она демонстрирует отношение исполнителя к монастырю как к институту, живущему за счет крестьянского труда. Замечание С. И. Буркова, характеризующее своих односельчан: *«Видимо, уже грамотные были, раз челобитные царю писали»*, – свидетельствует о его гордости за своих земляков. Все рассказы включают в себя «формулы достоверности»: *«Это рассказывали мне, да, старые люди»*. Достоверность повествования подтверждается с помощью повторов. Мотивации и аргументы – обязательные структурные элементы преданий. Повествование ведется с помощью паратаксиста, характерного для фольклорной речи.

Среди местных жителей хорошо сохранились воспоминания о Гражданской войне, интервенции и раскулачивании. На острове Мудьюг в 5 километрах от Патракеевки интервентами был создан концентрационный лагерь, отличавшийся своей жестокостью. В нем находилось много местных жителей, которые хорошо знали эти места, поэтому в 1919 году около 70 заключенным во главе с жителем Патракеевки П. П. Стрелковым удалось бежать из лагеря [16]. Сюжет о бегстве и последующей погоне часто встречается в сказочной прозе и носит фольклорно-авантюрный характер. Можно предположить, что отчасти поэтому он лучше, чем другие сюжеты, сохранился в устной традиции села. Достоверность рассказов подтверждается ссылками «на предков»: *«мама говорит»* и др.

К факторам, которые поддерживают и укрепляют локальную идентичность, относится наличие знаменитых земляков. К ним относят Ивана Рябова (Ивана Ермолаевича Седунова), повторившего подвиг Ивана Сусанина. Во время Северной войны в 1701 году он был захвачен в плен шведами, которые требовали от него показать проход для захвата Новодвинской крепости, вместо чего он посадил на мель под ее стенами два шведских корабля. К знаменитым землякам патракеевцы относят судовладельца Николая Ивановича Копытова, жившего в середине XIX века. Он имел первый в Архангельской губернии металлический траулер, купленный им в Англии. Не менее известен был судостроитель и судовладелец

Игнатий Иванович Бурков (1861–1938), имевший свою судоходную компанию, конкурировавшую с «Архангельско-Мурманским срочным пароходством», расстрелянный в 1938 году; капитан ледокола «Садко», внесший значительный вклад в освоение Арктики и Северного морского пути, – Василий Николаевич Бурков; капитан первого научно-исследовательского судна «Персей» – Павел Ильич Бурков; участник арктической экспедиции В. А. Русанова, пропавшей в 1912 году, – Александр Спиридонович Чухчин и капитан промыслового флота, глава колхоза «Красное знамя», председатель Союза рыболовецких колхозов Архангельской области – Лев Михайлович Селянинов.

Подведем некоторые итоги. Материалы, полученные нами за время экспедиции, позволяют сделать вывод о том, что этнокультурная традиция деревни Патракеевки представляет собой локальный тип поморской культуры. Информанты с гордостью рассказывают об историческом прошлом своего села и хорошо знают его. Они имеют эндонимы-самоназвания, что свидетельствует о развитом локальном самосознании микрогруппы. Для регионального самосознания важно, что у села есть своя особая история и многовековой опыт развития в качестве культурного центра определенной территории. Патракеевка является центром культурного микроареала, в который, кроме нее, входят деревни Куя, Козлы, Кадь, Лапоминка, Поборка, Лодьма, Ижма. Жители Патракеевки имеют позитивную идентичность, они гордятся своими земляками, среди которых много капитанов, судостроителей и судовладельцев. Местные жители высоко ценят, что их предками являлись новгородцы и что на побережье Белого моря никогда не было крепостного права. Они считают своих предков свободолюбивыми, смелыми, предприимчивыми и независимыми людьми, гордятся тем, что их село было основано раньше, чем Архангельск, что у них были собственные солеварни и они имели больше судов, чем архангелогородцы, что первое моторное судно появилось в Патракеевке, что они были богаче, чем жители других поморских и «лесных» деревень, и имели более высокий культурный уровень, чем они, что здесь раньше, чем в других селах, появились школы, и Патракеевка являлась центром обучения мореплаванию, что местные жители принимали участие в арктических экспедициях и осваивали Сибирь. Жители Патракеевки обладают поморским самосознанием, которое формируется у сообществ, занимающихся морскими промыслами. Смысловой доминантой Патракеевки является представление местных жителей о ней как о селе, являющемся родиной мореплавателей и школой обучения мореплаванию всего Зимнего берега Белого моря.

СОКРАЩЕНИЯ

ФА САФУ – фольклорный архив Центра изучения традиционной культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской Епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1: Уезды Архангельский и Холмогорский. С. 130.
- ² Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Л., 1926–1928.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О. В. Коза, козел // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2: Давать–Крошки. М., 1999. С. 522–524.
2. Бурков Г. Д. Патракеевка – село поморское, родина капитанов. М.; СПб.: ГеоГраф, 2005. 145 с.
3. Ведерникова Н. М., Никитина С. Е. Соловки в памяти поморов (по материалам экспедиций в Поморье). М.: Наследие, 2014. 320 с.
4. Горшков О. Е. Образы Пустоши и Патракеевки в экспозиционном пространстве «Музея народных промыслов и ремесел Приморья» (Архангельская область) // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2015. Вып. 8. С. 250–255.
5. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность. Жанровая система. Этнопоэтика. Архангельск, 2004. 432 с.
6. Дранникова Н. В. Роль фольклорно-речевых материалов в изучении локальной идентичности жителей Зимнего берега // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 40–46.
7. Дранникова Н. В. Соловки в устной религиозной прозе жителей города Архангельска // Традиционная культура. 2015. № 4 (60). С. 49–57.
8. Дранникова Н. В. Фольклор Архангельского края (из материалов Лаборатории фольклора ПГУ). Архангельск, 1999. 3-е изд., стер. 80 с.
9. Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собрание, систематика, экспериментальная текстология: Материалы IV Междунар. школы молодого фольклориста (Архангельск, 6–8 июня 2002 г.). Архангельск, 2002. С. 83–92.
10. Дранникова Н. В. Чудь в устной традиции Архангельского Севера. Архангельск, 2008. 148 с. (Фольклор Севера: Материалы и исследования. Вып. 3).
11. История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г. Ф. Белошицкой / Общ. ред. и вступ. ст. И. А. Разумовой; Подгот. текстов, сост. и коммент. О. В. Змеевой, И. А. Разумовой. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2013. 184 с.
12. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Петрозаводск, 1991. 46 с.
13. Крупкин П. Л., Лебедев С. Д. К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35–58.
14. Леонтьев А. И. Зимняя сторона. Архангельск: Правда Севера, 1999. 574 с.
15. Попов Г. П., Семьин А. А., Бурков Г. Д. Мореходы Зимнего берега. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. 394 с.
16. Рассказов П. П. Записки заключенного. Архангельск, 1952. 116 с.
17. Смирнов Ю. И. Первожители с единственным топором // Балто-славянские исследования 1997. М.: Индрик, 1998. С. 350–373.
18. Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1975. 181 с.
19. Чистов К. В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР. Минск, 1974. С. 6–31.
20. Dundes A. Defining Identity through Folklore // Identity: Personal and Socio-Cultural / Ed. A. Jacobson-Widding. Uppsala, 1982. P. 235–261.
21. Honko L. Studies on tradition and cultural identity: an introduction // Theoretical Milestones / Ed. P. Hakamies, A. Honko. Helsinki, 2013. P. 303–323.

Drannikova N. V., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russian Federation)

**“CAPTAIN'S VILLAGE”: ON LOCAL IDENTITY
OF PATRAKEEVKA VILLAGE INHABITANTS
IN PRIMORSKY DISTRICT OF ARKHANGELSK REGION**

The purpose of the article is to reveal characteristic features of the local identity of the people residing in Patrakeevka village located in Primorsky district of Arkhangelsk region. The study is based on the field data obtained during the folklore-ethnographic expedition of the Northern Arctic Federal University to the village. The local traditional fishing and sea hunting practices had a significant impact on the development of the self-identification image of the studied indigenous community. The well-preserved historical and cultural memory is an integral part of the local identity of the village inhabitants. Our research led to the conclusion that the ethnic and cultural traditions of the village residents can be characterized as a local type of Pomor culture.

Key words: local identification, Patrakeevka, White sea, Pomors, oral story

REFERENCES

1. Belova O. V. Goat [Koza, kozel]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*. Vol. 2. Moscow, 1999. P. 522–524.
2. Burkov G. D. *Patrakeevka – selo pomorskoe, rodina kapitanov* [Patrakeevka – pomor village, captain's homeland]. Moscow, St. Petersburg, GeoGraf Publ., 2005. 145 p.
3. Vedernikova N. M., Nikitina S. E. *Solovki v pamyati pomorov (po materialam ekspeditsiy v Pomor'e)* [Solovki in Pomors' memory (based on the data from the expeditions to Pomorie)]. Moscow, Nasledie Publ., 2014. 320 p.
4. Gorshkov O. E. Images of Pustosh and Patrakeevka in the exhibition space of "Folk arts and crafts of Primorie Museum" (Arkhangelsk region) [Obrazy Pustoshi i Patrakeevki v ekspozitsionnom prostranstve "Muzeya narodnykh promyslov i remesel Primor'ya" (Arkhangelskaya oblast')]. *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury*. Arkhangelsk, 2015. Issue 8. P. 250–255.
5. Drannikova N. V. *Lokal'no-gruppovye prozvischa v traditsionnoy kul'ture Russkogo Severa. Funktsional'nost'. Zhanrovaya sistema. Etnopoetika* [The local-group nicknames in the traditional culture of the Russian North. Functionality. Genre system. Ethnopoetics]. Arkhangelsk, 2004. 432 p.
6. Drannikova N. V. The role of folklore and speech evidence in studying local identification image of the White Sea Winter Coast inhabitants [Rol' fol'klorno-rechevykh materialov v izuchenii lokal'noy identichnosti zhiteley Zimnego berega]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2013. № 2. P. 40–46.
7. Drannikova N. V. Solovki in oral religious prose of Arkhangelsk citizens [Solovki v ustnoy religioznoy proze zhiteley goroda Arkhangel'ska]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2015. № 4 (60). P. 49–57.
8. Drannikova N. V. *Fol'klor Arkhangel'skogo kraia (iz materialov Laboratorii fol'klora PGU)* [Folklore of the Arkhangelsk Region (from achieves of the Pomor State University Laboratory of Folklore)]. Arkhangelsk, 1999. 3 edition. 80 p.
9. Drannikova N. V. Folklore expedition of the Pomor University to Zimnyaya Zolotitsa [Fol'klornaya ekspeditsiya Pomorskogo universiteta v selo Zimnyaya Zolotitsa]. *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy shkoly mladogo fol'klorista*. Arkhangelsk, 2002. P. 83–92.
10. Drannikova N. V. *Chud' v ustnoy traditsii Arkhangel'skogo Severa* [Chud in folk tradition of the Arkhangelsk North]. Arkhangelsk, 2008. 148 p.
11. *Istoriya sem'i Zhidkikh na fone pomorskoj kul'tury: issledovanie i publikatsiya po materialam G. F. Beloshitskoy* [History of the Zhidkikh family on the background of Pomor culture: a study and publication on the base of the G.F. Beloshitskaya materials]. Razumova I. A. (Ed.) Apatity, Izd-vo Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN, 2013. 184 p.
12. Krinichnaya N. A. *Russkaya narodnaya istoricheskaya proza: voprosy genezisa i struktury: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian folk historical prose: questions of genesis and structure. Author's abst. PhD. filol. sci. diss.]. Petrozavodsk, 1991. 46 p.
13. Krupkin P. L., Lebedev S. D. To the sacred grounds of local identities in contemporary Russia: the experience of structural analysis [K sakral'nym osnovaniyam lokal'nykh identichnostey v segodnyashney Rossii: opyt strukturnogo analiza]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2013. № 4. P. 35–58.
14. Leont'ev A. I. *Zimnyaya storona* [Winter Edge]. Arkhangelsk, Pravda Severa Publ., 1999. 574 p.
15. Popov G. P., Sem'in A. A., Burkov G. D. *Morekhody Zimnego berega* [Winter shore sailors]. Ekaterinburg, 2007. 394 p.
16. Rasskazov P. P. *Zapiski zaklyuchennogo* [Prisoner notes]. Arkhangelsk, 1952. 116 p.
17. Smirnov Yu. I. Original inhabitants with a single ax [Pervozhiteli s edinstvennym toporom]. *Balto-slavyanskije issledovaniya 1997*. Moscow, Indrik Publ., 1998. P. 350–373.
18. Frumenkov G. G. *Solovetskiy monastyr' i oborona Belomor'ya* [Solovetzkyy Monastery and military defense of Belomor'e]. Arkhangelsk, SZKI Publ., 1975. 181 p.
19. Chistov K. V. Prosaic genres in folklore system [Prozaicheskie zhanry v sisteme fol'klora]. *Prozaicheskie zhanry fol'klora narodov SSSR*. Minsk, 1974. P. 6–31.
20. Dundes A. Defining Identity through Folklore // Identity: Personal and Socio-Cultural / Ed. A. Jacobson-Widding. Uppsala, 1982. P. 235–261.
21. Honko L. Studies on tradition and cultural identity: an introduction // Theoretical Milestones / Ed. P. Hakamies, A. Honko. Helsinki, 2013. P. 303–323.

Поступила в редакцию 19.05.2016